

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЗОЛОТОЙ ЖУК

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
П41

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского
Серийное оформление *Е. Фerez*

По, Эдгар Аллан.
П41 Золотой жук: [сборник : перевод с английского-
го] / Эдгар Аллан По. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-093152-1

В сборник включены лучшие произведения Эдгара По — психологические, детективные и фантастические рассказы и эссе, в том числе известнейшие: «Золотой жук», «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Мистификация», «Падение дома Ашероу».

Они позволяют читателю составить наиболее полное представление о многогранности таланта писателя — непревзойденного создателя фантазмагорий, мистических аллюзий и кошмаров.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093152-1

© ООО «Издательство АСТ», 2016

«ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА»

Лучшие книги XX века в удобном формате!

В серии вышли:

<i>Джордж Оруэлл</i>	«1984»
<i>Хулио Кортасар</i>	«62. Модель для сборки»
<i>Дуглас Адамс</i>	«Автостопом по Галактике. Опять в путь»
<i>Хорхе Луис Борхес</i>	«Алеф»
<i>Генрих Бёлль</i>	«Бильярд в половине десятого»
<i>Ирвин Шоу</i>	«Богач, бедняк»
<i>Курт Воннегут</i>	«Бойня №5»
<i>Чак Паланик</i>	«Бойцовский клуб»
<i>Фрэнсис Скотт</i>	«Великий Гэтсби»
<i>Фицджеральд</i>	
<i>Герберт Уэллс</i>	«Война миров»
<i>Хорхе Луис Борхес</i>	«Всеобщая история бесчестья»
<i>Роберт Пенн Уоррен</i>	«Вся королевская рать»
<i>Габриэль Гарсиа Маркес</i>	«Генерал в своем лабиринте»
<i>Жоржи Амаду</i>	«Генералы песчаных карьеров»
<i>Габриэль Гарсиа Маркес</i>	«Глаза голубой собаки»
<i>Джордж Оруэлл</i>	«Да здравствует фикус!»
<i>Герман Гессе</i>	«Демиян»
<i>Пелам Гренвилл Вудхаус</i>	«Дживс, Вы — гений!»
<i>Роберт Пёрсиг</i>	«Дзэн и искусство ухода за мотоциклом»
<i>Томас Манн</i>	«Доктор Фаустус»
<i>Джордж Оруэлл</i>	«Дочь священника»
<i>Эрих Мария Ремарк</i>	«Жизнь взаимы»
<i>Энтони Бёрджесс</i>	«Заводной апельсин»
<i>Франц Кафка</i>	«Замок»
<i>Герман Гессе</i>	«Игра в бисер»
<i>Хулио Кортасар</i>	«Игра в классики»
<i>Эрих Фромм</i>	«Искусство любить»
<i>Курт Воннегут</i>	«Колыбель для кошки»

<i>Джек Лондон</i>	«Мартин Иден»
<i>Торнтон Уайлдер</i>	«Мартовские иды. Мост короля Людовика Святого»
<i>Стивен Кинг</i>	«Мертвая зона»
<i>Эрих Мария Ремарк</i>	«На Западном фронте без перемен»
<i>Ирвин Шоу</i>	«Нищий, вор»
<i>Эрих Мария Ремарк</i>	«Ночь в Лиссабоне»
<i>Олдос Хаксли</i>	«О дивный новый мир»
<i>Габриэль Гарсиа Маркес</i>	«О любви и прочих бесах»
<i>Ирвин Шоу</i>	«Ночной портье»
<i>Джон Стейнбек</i>	«О мышах и людях. Жемчужина»
<i>Габриэль Гарсиа Маркес</i>	«Осень патриарха»
<i>Артур Хейли</i>	«Отель»
<i>Альбер Камю</i>	«Падение. Изгнание и царство»
<i>Андре Моруа</i>	«Письма незнакомке»
<i>Уильям Голдинг</i>	«Повелитель мух»
<i>Оскар Уайльд</i>	«Портрет Дориана Грея»
<i>Эрнест Хемингуэй</i>	«Прощай, оружие!»
<i>Станислав Лем</i>	«Рассказы о пилоте Пирксе»
<i>Курт Воннегут</i>	«Сирены Титана»
<i>Джордж Оруэлл</i>	«Скотный Двор. Эссе»
<i>Эрнест Хемингуэй</i>	«Снега Килиманджаро»
<i>Станислав Лем</i>	«Солярис»
<i>Жан Поль Сартр</i>	«Стена»
<i>Хантер С. Томпсон</i>	«Страх и отвращение в Лас-Вегасе»
<i>Сомерсет Моэм</i>	«Театр»
<i>Жан Поль Сартр</i>	«Тошнота»
<i>Эрих Мария Ремарк</i>	«Триумфальная арка»
<i>Генри Миллер</i>	«Тропик Рака»
<i>Эрнест Хемингуэй</i>	«Фиеста»
<i>Дж.Р.Р. Толкин</i>	«Хоббит»
<i>Габриэль Гарсиа Маркес</i>	«Хроника объявленной смерти»
<i>Альбер Камю</i>	«Чума»
<i>Уильям Голдинг</i>	«Шпиль»

«ЭКСКЛЮЗИВ: РУССКАЯ КЛАССИКА»

*Лучшие произведения русских писателей
в удобном формате!*

<i>Л.Н. Толстой</i>	«Анна Каренина»
<i>М.А. Булгаков</i>	«Белая гвардия»
<i>Ф.М. Достоевский</i>	«Бесы»
<i>Л.Н. Толстой</i>	«Война и мир»
<i>М.И. Веллер</i>	«Все о жизни»
<i>Б.Л. Пастернак</i>	«Доктор Живаго»
<i>Ф.М. Достоевский</i>	«Идиот»
<i>М.А. Булгаков</i>	«Мастер и Маргарита»
<i>Н.В. Гоголь</i>	«Мертвые души»
<i>Е.И. Замятин</i>	«Мы»
<i>И.А. Гончаров</i>	«Обломов»
<i>А.И. Солженицын</i>	«Один день Ивана Денисовича»
<i>Л.Н. Гумилев</i>	«От Руси к России»
<i>И.С. Тургенев</i>	«Отцы и дети»
<i>А.Н. Толстой</i>	«Петр Первый»
<i>А.Н. и Б.Н. Стругацкие</i>	«Пикник на обочине»
<i>Ф.М. Достоевский</i>	«Преступление и наказание»
<i>А.Н. и Б.Н. Стругацкие</i>	«Понедельник начинается в субботу»
<i>А.И. Солженицын</i>	«Раковый корпус»
<i>И.А. Бунин</i>	«Темные аллеи»
<i>А.И. Куприн</i>	«Яма»

Убийство на улице Морг

Что за песню пели сирены или каким именем назывался Ахилл, скрываясь среди женщин, — уж на что это, кажется, мудреные вопросы, а какая-то догадка и здесь возможна.

*Сэр Томас Браун.
Захоронения в урнах*

Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу. Мы судим о них только по результатам. Среди прочего нам известно, что для человека, особенно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейшего наслаждения. Подобно тому как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему прият-

© Перевод. Р. Гальперина, наследники, 2002.

на. Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной. Его решения, рожденные существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции. Эта способность решения, возможно, выигрывает от занятий математикой, особенно тем высшим ее разделом, который неправомерно и только в силу обратного характера своих действий именуется анализом, так сказать, анализом *par excellence**. Между тем рассчитывать, вычислять — само по себе еще не значит анализировать. Шахматист, например, рассчитывает, но отнюдь не анализирует. А отсюда следует, что представление о шахматах как об игре, исключительно полезной для ума, основано на чистейшем недоразумении. И так как перед вами, читатель, не трактат, а лишь несколько случайных соображений, которые должны послужить предисловием к моему не совсем обычному рассказу, то я пользуюсь случаем заявить, что неприязнительная игра в шашки требует куда более высокого умения размышлять и задает уму больше полезных задач, чем мнимая изощренность шахмат. В шахматах, где фигуры неравноценны и где им присвоены самые разнообразные и причудливые ходы, сложность (как это нередко бывает) ошибочно принимается за глубину. Между тем здесь *решает* внимание. Стоит ему ослабеть, и вы совершаете оплошность, которая приводит к просчету или поражению. А поскольку шахматные ходы не только многообразны, но и многозначны,

* По преимуществу (*фр.*).

то шансы на оплошность соответственно растут, и в девяти случаях из десяти выигрывает не более способный, а более сосредоточенный игрок. Другое дело шашки, где допускается один только ход с незначительными вариантами; здесь шансов на недосмотр куда меньше, внимание не играет особой роли и успех зависит главным образом от сметливости. Представим себе для ясности партию в шашки, где остались только четыре дамки и, значит, ни о каком недосмотре не может быть и речи. Очевидно, здесь (при равных силах) победа зависит от удачного хода, от неожиданного и остроумного решения. За отсутствием других возможностей аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку.

Вист давно известен как прекрасная школа для того, что именуется искусством расчета; известно также, что многие выдающиеся умы питали, казалось бы, необъяснимую слабость к висту, пренебрегая шахматами как пустым занятием. В самом деле, никакая другая игра не требует такой способности к анализу. Лучший в мире шахматист — шахматист, и только, тогда как мастерская игра в вист сопряжена с умением добиваться победы и в тех более важных областях человеческой предприимчивости, в которых ум соревнуется с умом. Говоря «мастерская игра», я имею в виду ту степень совершенства, при которой игрок владеет всеми средствами, приводящими к законной победе. Эти средства не только многочисленны, но

и многообразны и часто предполагают такое знание человеческой души, какое недоступно игроку средних способностей. Кто внимательно наблюдает, тот отчетливо и помнит, а следовательно, всякий сосредоточенно играющий шахматист может рассчитывать на успех в висте, поскольку руководство Хойла (основанное на простой механике игры) общепонятно и общедоступно. Чтобы хорошо играть в вист, достаточно, по распространенному мнению, соблюдать «правила» и обладать хорошей памятью. Однако искусство аналитика проявляется как раз в том, что правилами игры не предусмотрено. Каких он только не делает про себя выводов и наблюдений! Его партнер, быть может, тоже; но перевес в этой обоюдной разведке зависит не столько от надежности выводов, сколько от качества наблюдения. Важно, конечно, знать, на что обращать внимание. Но наш игрок ничем себя не ограничивает. И хотя прямая его цель — игра, он не пренебрегает и самыми отдаленными указаниями. Он изучает лицо своего партнера и сравнивает его с лицом каждого из противников, подмечает, как они распределяют карты в обеих руках, и нередко угадывает козырь за козырем и онёр за онёром по взглядам, какие они на них бросают. Следит по ходу игры за мимикой игроков и делает уйму заключений, подмечая все оттенки уверенности, удивления, торжества или досады, сменяющиеся на их физиономиях. Судя по тому, как человек сгрёб взятку, он заключает, последует ли за ней другая. По тому, как карта брошена, догадывается, что противник финтит, что ход сделан для отвода глаз. Невзначай или необдуманно оброненное слово; случай-

но упавшая или открывшаяся карта и как ее прячут — с опаской или спокойно; подсчет взяток и их расположение; растерянность, колебания, нетерпение или боязнь — ничто не ускользает от якобы безразличного взгляда аналитика. С двух-трех ходов ему уже ясно, что у кого на руках, и он выбрасывает карту с такой уверенностью, словно все игроки раскрылись.

Способность к анализу не следует смешивать с простой изобретательностью, ибо аналитик всегда изобретателен, тогда как не всякий изобретательный человек способен к анализу. Умение придумывать и комбинировать, в котором обычно проявляется изобретательность и для которого френологи (совершенно напрасно, по-моему) отводят особый орган, считая эту способность первичной, нередко наблюдается даже у тех, чей умственный уровень в остальном граничит с кретинизмом, что не раз отмечалось писателями, живописующими быт и нравы. Между умом изобретательным и аналитическим существует куда большее различие, чем между фантазией и воображением, но это различие того же порядка. В самом деле, нетрудно заметить, что люди изобретательные — большие фантазеры и что человек с подлинно богатым воображением, как правило, склонен к анализу.

Дальнейший рассказ послужит для читателя своего рода иллюстрацией к приведенным соображениям.

Весну и часть лета 18... года я прожил в Париже, где свел знакомство с неким мосье С.-Огюстом Дюпеном. Еще молодой человек, потомок знатного и даже прославленного рода, он испы-

тал превратности судьбы и оказался в обстоятельствах столь плачевных, что утратил всю свою природную энергию, ничего не добивался в жизни и меньше всего помышлял о возвращении прежнего богатства. Любезность кредиторов сохранила Дюпену небольшую часть отцовского наследства, и, живя на ренту и придерживаясь строжайшей экономии, он кое-как сводил концы с концами, равнодушный к приманкам жизни. Единственная роскошь, какую он себе позволял, — книги, — вполне доступна в Париже.

Впервые мы встретились в плохонькой библиотеке на улице Монмартр, и так как оба случайно искали одну и ту же книгу, чрезвычайно редкое и примечательное издание, то, естественно, разговорились. Потом мы не раз встречались. Я заинтересовался семейной историей Дюпена, и он поведал ее мне с обычной чистосердечностью француза, рассказывающего вам о себе. Поразила меня и обширная начитанность Дюпена, а главное — я не мог не восхищаться неудержимым жаром и свежестью его воображения.

Я жил тогда в Париже совершенно особыми интересами и, чувствуя, что общество такого человека неоценимая для меня находка, не замедлил ему в этом признаться. Вскоре у нас возникло решение на время моего пребывания в Париже поселиться вместе; а поскольку обстоятельства мои были чуть получше, чем у Дюпена, то я снял с его согласия и обставил в духе столь милой нам обоим романтической меланхолии сильно пострадавший от времени дом причудливой архитектуры в уединенном уголке Сен-Жерменского предместья; давно покинутый хозяевами из-за каких-то

суеверных преданий, в суть которых мы не стали вдаваться, он клонился к упадку.

Если бы наш образ жизни в этой обители стал известен миру, нас сочли бы маньяками, хоть и безобидными маньяками. Наше уединение было полным. Мы никого не хотели видеть. Я скрыл от друзей свой новый адрес, а Дюпен давно порвал с Парижем, да и Париж не вспоминал о нем. Мы жили только в себе и для себя.

Одной из фантастических причуд моего друга — ибо как еще это назвать? — была влюбленность в ночь, в ее особое очарование; и я покорно принял эту *bizarre**, как принимал и все другие, самозабвенно отдаваясь прихотям друга. Темно-ликая богиня то и дело покидала нас, и, чтобы не лишаться ее милостей, мы прибегали к бутафории: при первом проблеске зари захлопывали тяжелые ставни старого дома и зажигали два-три светильника, которые, курясь благовониями, изливали тусклое, призрачное сияние. В их бледном свете мы предавались грезам, читали, писали, беседовали, пока звон часов не возвещал нам приход истинной Тьмы. И тогда мы рука об руку выходили на улицу, продолжая дневной разговор, или бесцельно бродили до поздней ночи, находя в мелькающих огнях и тенях большого города ту неисчерпаемую пищу для умственных восторгов, какую дарит тихое созерцание.

В такие минуты я не мог не восхищаться аналитическим дарованием Дюпена, хотя и понимал, что это лишь неотъемлемое следствие ярко выраженной умозрительности его мышления. Да

* Странность, чудачество (*фр.*).

и Дюпену, видимо, нравилось упражнять эти способности, если не блистать ими, и он, не чинясь, признавался мне, сколько радости это ему доставляет. Не раз хвалился он с довольным смешком, что люди в большинстве для него — открытая книга, и тут же приводил ошеломляющие доказательства того, как ясно он читает в моей душе. В подобных случаях мне чудилась в нем какая-то холодность и отрешенность; пустой, ничего не выражающий взгляд его был устремлен куда-то вдаль, а голос, сочный тенор, срывался на фальцет и звучал бы раздраженно, если бы не четкая дикция и спокойный тон. Наблюдая его в эти минуты, я часто вспоминал старинное учение о двойственности души и забавлялся мыслью о двух Дюпенах: созидающем и расчленяющем.

Из сказанного отнюдь не следует, что разговор здесь пойдет о неких чудесах; я также не намерен романтизировать своего героя. Описанные черты моего приятеля-француза были только следствием перевозбужденного, а может быть, и больного ума. Но о характере его замечаний вам лучше поведаст живой пример.

Как-то вечером гуляли мы по необычайно длинной грязной улице в окрестностях Пале-Рояля. Каждый думал, по-видимому, о своем, и в течение четверти часа никто из нас не проронил ни слова. Как вдруг Дюпен, словно невзначай, сказал:

— Куда ему, такому заморышу! Лучше б он попытал счастье в театре «Варьете».

— Вот именно, — ответил я машинально.

Я так задумался, что не сразу сообразил, как удачно слова Дюпена совпали с моими мыслями.

Но тут же опомнился, и удивлению моему не было границ.

— Дюпен, — сказал я серьезно, — это выше моего понимания. Сказать по чести, я поражен, я просто ушам своим не верю. Как вы догадались, что я думал о... — Тут я остановился, чтобы увериться, точно ли он знает, о ком я думал.

— ...о Шантильи, — закончил он. — Почему же вы запнулись? Вы говорили себе, что при его тщедушном сложении нечего ему было соваться в трагики.

Да, это и составляло предмет моих размышлений. Шантильи, *quondam** сапожник с улицы Сен-Дени, помешавшийся на театре, недавно дебютировал в роли Ксеркса в одноименной трагедии Кребийона и был за все свои старания жестоко освистан.

— Объясните мне, ради Бога, свой метод, — настаивал я, — если он у вас есть и если вы с его помощью так безошибочно прочли мои мысли. — Признаться, я даже старался не показать всей меры своего удивления.

— Не кто иной, как зеленщик, — ответил мой друг, — навел вас на мысль, что сей врачеватель подметок не дорос до Ксеркса *et id genus omne***.

— Зеленщик? Да Бог с вами! Я знать не знаю никакого зеленщика!

— Ну, тот увалень, что налетел на вас, когда мы свернули сюда с четверть часа назад.

Тут я вспомнил, что зеленщик с большой корзиной яблок на голове по нечаянности чуть не

* Некогда (*лат.*).

** И ему подобных (*лат.*).

сбил меня с ног, когда мы из переулка вышли на людную улицу. Но какое отношение имеет к этому Шантильи, я так и не мог понять.

Однако у Дюпена ни на волос не было того, что французы называют *charlatanerie**.

— Извольте, я объясню вам, — вызвался он. — А чтобы вы лучше меня поняли, давайте восстановим весь ход ваших мыслей с нашего последнего разговора и до встречи с пресловутым зеленщиком. Основные вехи — Шантильи, Орион, доктор Никольс, Эпикур, стереотомия, булыжник и — зеленщик.

Вряд ли найдется человек, которому ни разу не приходило в голову проследить забавы ради шаг за шагом все, что привело его к известному выводу. Это — преувлекательное подчас занятие, и кто впервые к нему обратится, будет поражен, какое неизмеримое на первый взгляд расстояние отделяет исходный пункт от конечного вывода и как мало они друг другу соответствуют. С удивлением выслушал я Дюпена и не мог не признать справедливости его слов.

Мой друг между тем продолжал:

— До того как свернуть, мы, помнится, говорили о лошадях. На этом разговор наш оборвался. Когда же мы вышли сюда, на эту улицу, выскочивший откуда-то зеленщик с большой корзиной яблок на голове пробежал мимо и второпях толкнул вас на грудь булыжника, сваленного там, где каменщики чинили мостовую. Вы споткнулись о камень, поскользнулись, слегка растянули связку, рассердились, во всяком случае насупились,

* Очковтирательство (*фр.*).